

I

Вечер был мягким и мглистым. Они шли по аллеям Булонского леса, по ковру из опавших листьев, отзывающихся на их шаги шелковистым, приглушенным шорохом. Эрве Марсена подумал, что стремительные движения, худощавая фигура, блеск в глазах делают его спутника неожиданно юным. Он попытался заговорить с ним о его книгах. Фонтен остановился и негодуя вскинул к небу трость:

— Ах нет, друг мой, нет!.. Оставим в покое эти несчастные творения. Вам может показаться это притворством, но я их почти все позабыл... Это же вполне естественно. Ведь что такое книга? Мысль, застывшая в определенное мгновение... Автор... э-э... делает слепок своих чувств в некий момент X... Но человек, которого вы встречаете десять, двадцать лет спустя, это человек из времени Y или Z; с автором вашей любимой книги у него нет ничего общего, кроме воспоминаний детства, да и то... Тот Гийом Фонтен, что

в убогой комнатке писал свои «Экзерсисы», которые вы изволите расхваливать, мне уже представляется неким незнакомцем... Отсюда и глубокое безразличие писателя к своему прошлому творчеству, невыносимая скука, которую он испытывает, если вынужден перечитывать свои книги... Вы потом в этом сами убедитесь.

— И тем не менее, дорогой мой учитель, Бальзак любил рассуждать о своих героях.

— Бальзак — это редчайший феномен: подлинный романист... А я... Я романист не в большей степени, чем Монтескье, а он-то отнюдь не был таковым.

— Но ваши романы...

— Друг мой, когда вы узнаете меня лучше, то поймете, как появились на свет мои романы. Вам ведь приходилось слышать о безумных и пылких молодых особах, что приходят к мужчине, которым восхищаются, и заявляют ему: «Я хочу от вас ребенка!» Так вот... Представьте теперь, что некая женщина сказала мне: «Я хочу от вас роман», и вы окажетесь недалеко от истины. Я уступил, в таких случаях всегда уступают. Роль Иосифа унижительно... Я, если можно так выразиться, несколько раз согрешил, и мои романы — это проявления моей слабости... Но не могу сказать, что эти мимолетные прихоти имеют для меня хоть какое-то значение.

— А что для вас имеет значение?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Что имеет значение?

Гийом Фонтен вновь вскинул трость:

— Прежде всего, удовольствие от самого процесса размышления... Не для того, чтобы это описать... Но для себя самого, когда читаешь этих мыслителей... Что имеет значение? Бродить по библиотеке, взять наугад какую-нибудь книгу, переворачивая страницы, неожиданно наткнуться на фразу, которая приведет в восторг; перечесть автора, что был верным спутником юности; испытать радость оттого, что его ты нашел новым, а свои собственные ощущения все теми же... Что имеет значение? Дружба. Но не ревнивая дружба. Дружба, которая основана на взаимном уважении, родстве чувств, особенно если это дружба между мужчиной и женщиной, исполненная чувственности, но при этом не... э-э... не обожженная ревностью.

— Так вы не любите свою работу?

— Люблю, разумеется... Вернее, мне хотелось бы за несколько лет плодотворной лени произвести на свет какой-нибудь короткий шедевр: «Кандид» или «Цветы зла»... Мне хотелось бы медленно накапливать максимы и характеры. Все мы пишем слишком много. Не потому, что мы сами этого хотим. Нас к этому подталкивают. К тому же надо как-то жить... Вот представьте себе, мой дорогой друг, вы выбираете эту профессию — поскольку ныне это называют профессией, —

позвольте же мне обозначить некоторые моральные наставления... Вы не станете им следовать, я и сам не следуя им, что не мешает им оставаться превосходными... Не стоит жить в Париже... Приезжайте сюда время от времени, чтобы изучать мир, который вам следует все же знать, но работать надлежит в одиночестве. Никогда не встречайтесь лично с издателем или главным редактором газеты. Завяжите с ними переписку, если в этом есть необходимость, но не принимайте в расчет их поступки или советы... Не стоит заботиться о рыночной стоимости книги. Буало *отдавал* свои книги Клоду Барбену, он их ему не продавал, и если он говорил о Расине:

Когда вы пишете и долго, и упорно,
Доходы получать потом вам не зазорно...¹

так это благодаря... э-э... снисходительности друга, который в глубине души осуждал это... Никогда не слушайте советов супруги, любовницы, льстеца... Публикуйте мало... Раскрывайте свою ладонь, только если она полна. И *главное*: заботьтесь прежде всего о форме... Фо-о-орма, друг мой, фо-о-орма... Лишь она одна порука тому, что произведение будет жить долго. Сюжет не значит ничего. Теокрыт записывал разговоры обычных

¹ Буало Н. Поэтическое искусство. Перевод Э. Ли-нецкой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

домохозяек, Цицерон выступал в суде, ведя пошлые административные тяжбы, Паскаль беседовал с воображаемыми иезуитами, подобного рода ученые споры давно ушли в прошлое. Всех этих авторов по прошествии стольких веков читают по-прежнему благодаря отточенной форме... Она одна лишь, уверяю вас, раскрывает индивидуальность человека... Лучше написать поэму, чем роман... Вот я, к примеру, пишу романы, которые отнюдь не являются поэмами. Так я их и не люблю, друг мой, знайте, что я их не люблю. *Video meliора proboque...*¹

Всю эту тираду он произнес со страстью, расталкивая своей тростью камешки на тропинке.

— Как вы суровы! — воскликнул Эрве. — Ваши романы поэтичны, а что касается формы, их безыскусную простоту я предпочитаю всем этим украшательствам, когда каждое слово сияет собственным блеском, отдельно от прочих.

Они приближались к заставе Сент-Джеймс. Фонтен остановился возле решетки, встав прямо перед молодым человеком, при этом его едва не сбил въезжающий в Булонский лес автомобиль.

¹ «Вижу доброе и сочувствую ему...» (У этого высказывания имеется продолжение: «...творю же худое».) (Здесь и далее примеч. перев.)

— Нет-нет! — запротестовал он. — Оставьте мне, по крайней мере, право самому осознавать свои возможности.

— Но если таковы ваши ощущения, дорогой мой учитель, отчего бы вам не попытаться примириться с собой? Вы достаточно свободны, известны, богаты, чтобы ни от кого не зависеть. Разве вы не можете делать все, что пожелаете?

— Мой добрый друг, — ответил Фонтен, — вы не знаете жизни. Это продажная девка с железным характером. Она обуздывает вас, как и всех прочих... И не надо думать, будто я богат!.. Напротив... Некогда я женился, это правда, на богатой женщине, но с тех пор случилась война, и потом это падение франка, в общем, Полина теперь бедна. Но ее вкусы и склонности остались вкусами и склонностями богатой женщины, и, чтобы дать ей возможность жить так, как она привыкла, я вынужден продавать себя... Ну вот!.. Мы и пришли. Надо перейти улицу.

Дом, в котором Гийом Фонтен обитал в Нёйи на углу бульвара Ришар-Валланс и улицы де ла Ферм, находился посреди сада. Вычурная постройка с двустворчатыми окнами, причудливыми балконами, крыльцом с волютами: некая помесь поддельной готики, поддельного ренессанса и слишком подлинного стиля 1900-х. Фонтен пригласил своего спутника пройти в сад, который, словно сад

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

префектуры, был засажен фиолетовыми и желтыми анютиными глазками на овальных клумбах. Подняв трость, он с отвращением указал на фасад.

— Полюбуйтесь! — произнес он. — Разве это можно назвать жилищем писателя? Такой богатый и такой... э-э... уродливый. Жить надо или в красивом месте, или в келье. Но где взять средства? Моя жена унаследовала это... строение от первого мужа... Порвать с прошлым трудно, даже невозможно... Войдите на минутку... Я вам покажу свое оборонительное сооружение. Ведь надо же как-то обороняться.

Он провел Эрве в вестибюль с колоннами, облицованный, словно холл отеля, белым и черным мрамором, затем, спустившись на несколько ступеней по лестнице, они оказались в библиотеке. Там, выстроившись в бесконечные ряды, сияли золотые переплеты. Фонтен огляделся:

— Здесь, по крайней мере, я сам себе хозяин... Садитесь в кресло, друг мой.

После негромкого стука в дверь появился старик в белоснежной куртке, тучный, торжественный, хитроватый на вид. Он казался мягким и добродушным, как каноник из комедии.

— Мадам велела передать месяе, чтобы он не забыл: он ужинает в посольстве, сейчас половина восьмого, а на ужине нужно быть в смокинге.

Гийом Фонтен вздохнул, возвел глаза к небу и повернулся к своему гостю.

— В смокинге, — повторил он. — В смокинге!.. Вот так-то я сам себе хозяин... Смокинг! Мое лакейское одеяние... Словом, вам здесь оставаться еще минут пять, мой добрый друг... Алексис, ступайте, скажите хозяйке, что здесь я повинуюсь музам и выйду отсюда, лишь когда меня заставят обстоятельства.

Алексис, мягко и снисходительно улыбаясь, неслышно направился к двери, а Фонтен вновь обратился к Марсена:

— К черту посольства!.. Опоздание — вежливость художника... Ну да... В художнике ценят не только творчество, но и его протест против условностей. Он должен быть... э-э... воплощением свободы. Буржуа притворно гневается: «Однако же, что они такое говорят, этот Верлен, этот Рембо!» А в глубине души весьма доволен... Кстати, конструктор автомобилей, который частенько приглашает меня на ужин... Как вы его называете? Ну, знаете, тот самый, у которого мы с вами познакомились?..

— Ларивьер?

— Да-да, Ларивьер... Так вот! Этот человек признателен мне хотя бы за то, что я, несмотря на всякого рода принуждения, налагаемые обществом или семейной жизнью,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

по-прежнему непунктуален, ленив, непредсказуем, между тем как сам он таковым быть не решается... «*Ваша работа!*» — почтительно выражается моя супруга... Работа! Работа — это святое! «Ты будешь зарабатывать хлеб свой написанием романов», — говорит Господь. Почему? А что, если пуритане ошибались? Что, если жизнь создана для удовольствий? Пуритане богатеют, вместо того чтобы наслаждаться, они не наслаждаются своим богатством. Все это зиждется на ложных постулатах. «Суета сует», — говорит нам Екклесиаст, но сам не верит ни единому слову... Во всяком случае, перечтите его... Вы убедитесь, что Екклесиаст был старым распутником, который на исходе жизни находил особое удовольствие в том, чтобы сетовать и жаловаться.

Таким образом он рассуждал еще не менее получаса и сдался лишь после третьего предупреждения супруги, которая явилась высказать его лично. В вечернем платье, с обнаженными упругими плечами, бриллиантовым полумесяцем в волосах, выглядела она весьма величественно. Ее «бархатистые» глаза, которыми некогда так восхищались газетчики, по-прежнему торжествующе сияли. В ней привлекал незаурядный ум, а нарочитая бестактность, напротив, отталкивала. При взгляде на госпожу Фонтен вспоминались

эти робкие высочайшие особы, которые бессознательно причиняют боль. Она взглянула на Эрве с откровенной неприязнью:

— Прошу вас, сударь!.. Позвольте моему мужу одеться. Нам давно пора было выходить... Право же, Гийом, это неразумно...

— Полина, — сказал Гийом, — не будем примешивать разум в дела, где ему вовсе не место... Ну, до свидания, друг мой, и до встречи!

— Да-да, — подтвердила супруга. — Приходите как-нибудь к нам обедать. Это будет наилучший способ увидеть Гийома, не мешая его работе.

При свете луны, поднявшейся уже высоко, вырисовывались короткие резкие тени. Бледные уличные фонари вытянулись вдоль пустынного, бесконечного, унылого бульвара. Шагая к станции метро, Эрве Марсена размышлял о том, что скрывается за горьким шутовством Фонтена. Зарождающийся бунт или болтливое смирение? И кто такая Полина Фонтен? Хорошая советчица или домашний тиран? Он сам не понимал и удивлялся, как случилось, что он, причем так неожиданно быстро, оказался близок к человеку, который прежде казался ему неприступным.

II

Эдме Ларивьер жила на набережной Бетюн, в обветшалом доме, хотя и в приличной квартире. Эрве Марсена, который вот уже двадцать минут ждал ее возвращения, обратил внимание, что обивка кричащих расцветок, с резкими линиями и углами являла хорошо продуманный диссонанс с деревянными панелями в стиле Людовика XV и белыми китайскими вазами. Между двумя окнами с драпировкой старинного шелка два узора в виде красных амёб обрамляли какой-то синий наклонный рифлёный цилиндр. Эрве встал, чтобы прочесть заглавия книг на полках, и вновь почувствовал все тот же кислосладкий привкус.

«Моя кухня Эдме, — подумал он, — особа впечатлительная и утонченная».

Манеры этого высокого молодого человека, совсем недавно прибывшего из Лимузена, не имели ничего общего с манерами его современников: понимать людей ему было куда приятнее, чем их порицать.

Выгнутое полотнище, висевшее в дверном проеме, распахнулось. Вошла Эдме в светло-сером, отличавшемся изысканной простотой костюме. В сорок лет она сохранила походку юной девушки. Свежий цвет лица, казалось, свидетельствовал о том, что душа пребывает в мире и покое. Ее чистое, с правильными чертами лицо, светло-желтые глаза, звонкий голос и ясные представления о жизни Эрве находил весьма приятными, но ангельская строгость кузины всегда вызывала у него смутное беспокойство.

— Прости, Эрве, я опоздала.

— Ничего!.. Я любовался твоими картинами.

— У меня прекрасный Вламинк, не правда ли?.. Как твои дела? Ты уже подписал контракт с пресс-службой?

Она взяла на себя роль покровительницы и защитницы провинциального родственника, делающего первые шаги в Париже.

— Да, все в порядке, — ответил он. — Все эти посвящения мне дались непросто.

— Не утруждай себя, все равно их никто не читает. Ты уже получил письма?

— Только одно, но я от него в восторге: от Гийома Фонтена.

— Не может быть! Гийом тебе написал?

— Восхитительное письмо.

— Вот уж льстец... Наш Гийом не особо щедр на письма. Ты восхищаешься им? Мне

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

казалось, он не особо близок вашему поколению.

— Восхищение — не совсем подходящее слово, скорее, некое родство.

— И что? Ты виделся с ним?

— Да, мы гуляли с ним по Булонскому лесу, я даже проводил его до дома.

— Откуда тебя тут же выставила его супруга?

— Нет, там она им вновь завладела... Расскажи мне о ней, Эдме.

Какое-то мгновение она помедлила.

— Полина Фонтен? Я знаю ее уже давно. Она приходила к моим родителям, когда я была еще маленькой девочкой. В те времена она звалась мадам Берш, ее муж был банкиром, он финансировал папино издательство... Красивая, влиятельная, властная... Что ты хочешь узнать о ней? Урожденная Полина Ланглуа, из университетской среды. Ее отец был ректором в Нанси, философом. Папа опубликовал в своем издательстве «Философский словарь» Ланглуа... Она была воспитана в преподавательской среде, весьма «просвещенная», как говорят люди, которые таковыми не являются... во всяком случае, очень начитанная.

— Почему же она вышла замуж за банкира?

— А почему бы и нет? Я же вышла за конструктора автомобилей. Я не слишком

хорошо знаю историю их женитьбы. Это все происходило в Нанси... Берш, который был гораздо старше этой юной особы, предложил ей стать своего рода местной владчицей. Должно быть, семейство Ланглуа очень давило на нее, и Полина, честолюбивая, амбициозная, уступила... Впрочем, Берш был так мил, что умер почти сразу же после свадьбы, оставив двадцатидвухлетней вдове дом в Нанси, еще один дом в Нёйи (тот самый, где сейчас живут супруги Фонтен), загородный дом в Лотарингии и состояние, часть которого она тратит на меценатство: покровительствует литературе — вернее, литераторам.

— Как она познакомилась с Фонтеном?

— Она часто принимала у себя писателей. Думаю, в этом был некий элемент «компенсации»; должно быть, брак с банкиром дочь ректора воспринимала как своего рода поражение. Она заполучила, возможно не к добру, несколько «литературных» знакомств, причем с каждым разом ее гости становились все известнее. Потом у нее в доме появился Гийом Фонтен, и был он таким ярким, что в сравнении с ним все окружающие поблекли. Именно она открыла его и очень этим гордилась. Поначалу она привязалась к нему, потому что верила в его будущее. Любовь пришла только потом, и эта любовь стала главным в жизни Полины... Это вызывает к ней симпатию... Но она чудовищно ревнива. Нужно защи-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

щаться. Впрочем, должна признать, что она-то и создала того Гийома Фонтена, которого все мы знаем.

— Создала! Это преувеличение, Эдме! Ему не нужен был никто, кто бы его *создал*. Его талант проявился задолго до этой встречи.

— О святая наивность! Талант и слава — вещи совершенно разные. Бывает, что они совпадают, но зачастую и расходятся. Есть каста неприкосновенных, стоит такому человеку написать что-то вроде: «Сегодня с утра небо было пасмурным; я решил надеть теплые кальсоны», как все начинают кричать о его гениальности, и есть, напротив, гении, которых признают таковыми только после их смерти.

— Да, разумеется, потому что они сами не желали славы. Стендаль предпочитал строить романтические отношения с Матильдой Дембовской или болтать с Мериме, а не разглагольствовать на разных церемониях. Он и получил то, что хотел. Все в конечном итоге получают то, что хотят.

— Именно... Гийом до Полины словно сознательно избегал успеха. Он вел уединенную жизнь, посвященную поискам счастья, своего личного счастья, в его представлении это чувственность, безделье, чтение, писал он очень мало... Впрочем, сам можешь посмотреть даты. Гийому пятьдесят восемь лет. Что было известно о нем лет двадцать назад? «Диалоги» и «Экзерсисы», сложная